

Сидоренко Елена Александровна

Сила рода

(В продолжение воспоминаний бабушки, Марии Максимовны Новосельцевой)

Эта летопись – потребность души. Я посвящаю её моим братьям: Дмитрию, Вячеславу и Руслану, моим дочерям: Марии и Валентине, и моим внукам, чтобы они знали и ценили свои корни... И, может быть, она воодушевит и других людей – собирать и сохранять информацию о своем роде.

Мы – это мир, мы - это целый космос: планет и звезд, и многих вариантов судьбы, которые они приносят, способности даруя, и таланты.

Мы – это кладезь родовых посланий, идущих через временные метки, через потребности, внезапные желания - исполнить то, чего хотели предки.

Мы – опыт предков, что сгустили нашу кровь, намешано всего там понемногу, где за страданием всегда идет любовь, дорогой, предначертанной от Бога.

Моя страна, моя судьба, мой род - все связано космической нитью: издалека посыл мой предок шлет, лишь кажется - по моему нитью.

На смену мне когда-нибудь придет мой предок, что опять потомком станет, и вовлечет меня в круговорот, до той поры, пока весь мир не канет...

Человеческий род часто сравнивают с деревом, в котором ствол - человек, корни – предки, а ветви – потомки. Но сила и крепость дерева - в его корнях. И когда мы интересуемся историей своей семьи, проводим исследования, расспрашиваем родственников и составляем генеалогическое древо, то через все эти действия мы получаем особый ресурс жизненной энергии – силу рода. Сохраняя память о своих родовых корнях, мы передаем эту силу дальше – своим детям и внукам. Ведь без прошлого нет настоящего и нет будущего. Но есть и еще один аспект в раскопках прошлого. Узнавая о своих предках, об их деятельности и заслугах, а также обстоятельствах жизни, мы можем увидеть и самих себя, понять, откуда идут наши собственные выборы, ценности и убеждения.

Моя бабушка Маша в своем рассказе «Это счастье быть вольными» описала те события, через которые прошла семья Выгузовых в ссылке. Я записала этот рассказ, когда мне было чуть более за двадцать, а через тридцать лет перевела его в печатный и электронный вид. Для потомков. Чтобы знали историю своей семьи и своего рода-племени. Неожиданно рассказ оказался интересен многим другим людям, в том числе и с исторической точки зрения. Он был опубликован

и размещен в нескольких печатных и электронных изданиях. Подумалось о том, что обязательно нужно продолжить историю бабушкиной семьи, но уже на основе своих воспоминаний и рассказов родственников. И обязательно написать историю семьи деда – из рода Новосельцевых. Но, подбирая материал и разговаривая с родственниками с той и другой стороны, я поняла, что не могу их разделить. Судьбы обеих семей бабушки и дедушки очень похожи: все они пострадали от массовой коллективизации и последующих репрессий. И это стало связующим звеном моего повествования. А встреча со Светланой Скулкиной, моей родственницей по обеим ветвям дедушкиного рода привела к тому, что к моему рассказу были добавлены новые исторические главы про то, как появился род Новосельцевых и род Сухушиных, а также деревни, в которых они проживали.

В основе летописи воспоминания - мои и моей мамы, воспоминания других родственников, а также информация из «Книги памяти Томской области», исторических и географических справок. И я очень надеюсь, что мои дочери и мои внуки когда-нибудь тоже заинтересуются историей нашего рода, и будут свято хранить память о нем.

Выгузовы. Жизнь на свободе

Мария Максимовна Выгузова (в замужестве Новосельцева) - моя бабушка со стороны мамы, небольшого роста, очень деятельная и неунывающая, все время была в движении. Две коровы, телята, готовила, шила, убирала. А летом - огород и встречи с детьми и внуками. Дни были заняты хозяйственными заботами, зато, когда наступал вечер, мы часто располагались рядом с ней с двух сторон и слушали её рассказы о прежней жизни.

После всех злоключений, пережитых в ссылке и описанных в рассказе «Это счастье быть вольными», семья Выгузовых поселилась в Колпашево, поселке на правом берегу Оби.

В этих местах люди жили еще четыре тысячи лет назад. Коренное население - ханты и селькупы, занимались рыболовством и охотой. Жили в чумах, покрытых зимой оленьими шкурами, а летом - берестой. Русское поселение Колпашево было основано служилыми людьми Колпашниковыми в 17-ом веке на пересечении путей миграции разных племен и народов. По реке Кеть проходила великая водная дорога на восток, по ней пролегали маршруты посольств русских царей в Китай, а также шли знаменитые камчатские экспедиции.

Небольшая деревенька разрослась до села, а затем и города. Статус города

Колпашево получил в 1938-ом году. Через год родилась моя мама.

К середине 30-ых годов все дети Выгузовых: Максим (1908-1978г.г.), Мария (1915 - 1986г.г.) и Георгий (1918-1999 г.г.) создали в Колпашево свои семьи. Кроме самой младшей Любы (1924-2019г.г.), которая в то время была ещё мала. Елизавета Ивановна Выгузова (урожденная Петухова)– мать семейства и моя прабабушка умерла рано, около шестидесяти лет. Организм был надломлен бесконечными переездами, многими родами и испытаниями. Любочке тогда было всего тринадцать лет. Она осталась жить с отцом - Максимом Максимовичем Выгузовым, пережившим свою жену на четырнадцать лет. В школу ходила в его сапогах. И моя бабушка Маша, заменила ей мать; имея уже свою семью и детей, она, как могла, помогала младшей сестре. Та росла красавицей, и Марии хотелось нарядить сестренку. В те годы ткань трудно было достать, одежду шили, из чего придется, часто перешивали из старых вещей. Мария шила для себя, своих детей, а также Любочки. Люба, повзрослев, научилась и сама шить. Она была модницей, могла сшить себе обновку за одну ночь, а утром щеголять в ней. Обе сестры были работящими и умелыми, не делили труд на женский и мужской; помогали своим мужьям строить дома и бани, и даже - самостоятельно перекладывали печи.

Став взрослой, Люба, стала опекать свою крестницу - мою маму. Та была её любимой племянницей и она любила порадовать её чем-то новым. Современных детей не удивить яблоком или шоколадкой. Но мама впервые узнала вкус яблока в четырнадцать лет, а шоколад попробовала в семнадцать. Это были гостинцы от тети Любы. Яблоки в Колпашево – районе, приравненном к Крайнему Северу, не росли. Шоколад был тоже дорогим удовольствием. В прямом и в переносном смысле. Хотя шел уже 1956-ой год.

Люба, единственная из детей Выгузовых, смогла закончить семь классов, а затем фельдшерское училище по сокращенной программе, так как началась война. Училась на отлично, писала красиво и грамотно. Любовь вышла замуж за своего одноклассника Анатолия Ковпака. По её словам, она влюбилась в него сразу, как увидела - в первом классе, а вот он позднее – в старших. После школы она дожидалась его шесть лет: Анатолий ушел в армию, служил на флоте, а оттуда сразу - на фронт. Как встретились – поженились и были, по словам родственников и оставшимся фотографиям, очень красивой парой. Родили двоих детей – Валю и Гену. Дядя Толя, по детским впечатлениям моей мамы, был очень одарен и артистичен, разыгрывал целые представления на праздники, особенно на Новый год, очень хорошо пел и рисовал, мастерил детям игрушки и забавные маскарадные маски. А еще был умелым рыбаком и охотником. Но прожил недолго. Внезапный сердечный приступ. Люба стала вдовой в тридцать с небольшим лет...

Через пять лет Любу позвал замуж вдовец с тремя детьми – Иван Яковлевич Высочинский. Было это на праздничном вечере, он пригласил её на танец, во время которого и сделал предложение. Сказал: «Готовься, завтра утром приеду – заберу тебя с детьми к себе». Люба подумала, что шутка. Но так и случилось. Утром около дома уже стояла лошадь, запряженная в телегу. Так Люба в один день стала многодетной матерью пятерых детей. Она очень хорошо относилась к чужим детям и, чтобы обути и одеть их, сняла остаток средств со сберкнижки умершего мужа. Через какое-то время их большая сводная семья переехала в Тюмень.

Сестры всегда скучали друг без друга. Часто писали письма, Люба приезжала в Колпашево каждое лето. Когда у Марии нашли страшную болезнь, Люба, имея фельдшерское образование, первая примчалась, чтобы помочь выходить старшую сестру после операции и облучения. Химиотерапии тогда еще не было. Это было в шестидесятых годах. Мария преодолела болезнь и прожила после операции более двадцати лет, помогая детям и нам – её внукам.

Самый старший в семье Выгузовых – Максим был копией своего отца Максима Максимовича - красивый, с черными волосами и карими глазами, сдержанный и мастеровитый. По словам бабы Маши, он держался от остальных немного особняком, иногда строжился, как старший брат, а все младшие – Маша, Гоша и Люба были очень дружны между собой и дня не проходило чтобы они не забегали друг к другу в гости.

В семидесятых годах – в Колпашево остались только Мария и Максим со своими семьями. Сестра Люба жила уже в Тюмени, а брат Гоша – переехал в Краснодарский край – в Старокорсунскую станицу. Но они постоянно переписывались, сохраняя связь друг с другом.

Выгузовы - Новосельцевы. Судьбоносная встреча

Нам – внукам в детстве казалось, что баба Маша и дед Гоша были идеальной парой, мы не видели их ссор. Бабушка рассказывала, что дедушка в парнях был очень своенравным, задиристым, не слушался отца, но очень любил свою мать. Это хорошее отношение он перенес и на жену. Дедушка часто называл её уменьшительно-ласкательно: то Машенькой, то Марусей, то Манюнечкой. Вот только бабушка по документам была не Марией, а Марфой и в паспорте был поставлен другой возраст, на два года младше. Марией была её сестра, умершая в детстве. Возможно, бабушке пришлось прожить две судьбы – и за неё и за себя. Неразбериха и ошибки с документами в то время были частым явлением, много детей умирало, путались года и имена.

Когда бабушка перечисляла всех умерших детей – своих и племянников, мне было не по себе. Трудно было представить, каково было матерям и вообще женщинам в то время. Не сладко было и мужчинам, но женщинам – труднее вдвойне. Разделяя все тяготы жизни со своими мужьями, они вынуждены были рожать и выхаживать детей, часто подряд без отдыха, а затем терять одного за другим. Как-то бабушка рассказывала, что помнит, как рожала её мать Елизавета. Она была маленькой и мать, чтобы не напугать её, спустилась в погреб, а потом просила дочку подать ей ножницы, чтобы перерезать пуповину... Елизавета родила тринадцать детей, а также помогала в родах другим женщинам. «Бабничала», так называли тогда ремесло баб-повитух. Вспомнила баба Маша и о том, как она сидела у кровати угасающих детей своего брата Максима. Татьяна, их мать, по какой-то причине отсутствовала. Две новорожденные близняшки: Валя и Нина были очень слабыми. Она поглаживала им головки и плакала, понимая, что скоро их не станет. При этом сама была на сносях. Было это после войны в 1946-ом году, в следующем году баба Маша родила свою младшую дочку, назвав её Валентиной. Женщины успокаивали себя словами: «Бог дал, Бог взял», но кто поймет и опишет те страдания, которые ощущает мать, теряя своего ребенка...

По словам бабушки, похоронив подряд двух первых младенцев, родители боялись и тряслись над своим третьим ребенком - моей мамой. Они носили её на руках ночи напролет, лишь бы не плакала, а когда подросла - не разрешали ходить на реку и лазить по деревьям. Мама обижалась на родителей, ведь когда появились младшие дети - Валерий и Валя, на них уже не распространялись эти запреты.

Когда Георгий впервые посватался к Марии, она не согласилась. Считала себя недостойной: - Он, вон какой ловкий, да красивый, черные кудри, голубые глаза, сапоги хромовые выше колена, а что я – пигалица рядом с ним, - говорила она своей матери. Она стеснялась своих рыжих волос и веснушек, считала себя некрасивой. Но мама моя говорила, что внешность у бабушки в молодости была яркой: рыжие волосы, большие зеленые глаза и очень длинные «коровьи» ресницы. Поводов не давала, но муж ревновал, и её это очень обижало. А Георгий, как выяснилось позднее, сам считал себя недостойным Марии. Та была очень правильной, а он – хулиган. Но все же Мария согласилась на брак с Георгием. Благодаря Марии, Георгий остепенился, его буйный нрав смягчился, а в семейных делах, по словам моей мамы, решающее слово чаще всего было за его женой. Вся родня со стороны деда удивлялась, как бабушка уживается с ним. «Со всеми можно ужиться, если не держать обид», - отвечала она. Но обида у неё всё-таки была. Большая и многолетняя, связанная с любимым сыном Валерием.

Сынишка родился 19 апреля 1944-го года, через девять месяцев, после того, как Георгия, отпустили из трудовой армии домой - на побывку перед отправкой на передовую. В трудовой армии он занимался отловом и заготовкой рыбы для фронта. Перед отправкой на фронт, его мать Ефросинья Павловна дала ему с собой молитву, как оберег. И не только ему, но и старшему сыну Николаю. Но Николай отказался от молитвы. С войны он не вернулся. А Георгий, вернувшись в 1945-ом году домой, поначалу не признал сына, хотя, по словам всех родственников, ребенок был копией своего отца. Может поэтому Мария всю жизнь выделяла и жалела сына, стараясь дать ему больше ласки - за себя и за отца. Дочек: мою маму – рыжеволосую и зеленоглазую Нэллю и самую младшую в их семье - голубоглазую кудряшку Валечку, отец, по словам моей мамы, очень любил, но был строг в воспитании. Сам, будучи неграмотным, но привыкшим постоянно быть в работе, он не понимал, как это можно просто сидеть и читать книжку. «Баловство это и ничегонеделание», - считал он... Мама вспоминала, что когда отец заставлял её за книжкой, она отвечала, что «это уроки» и тогда он говорил: «Ну-ну, уроки это надо»...

Была и другая причина у бабы Маши выделять и жалеть своего сына. Валерий рос ярким и харизматичным, в молодости походил на знаменитого певца Элвиса Пресли - черноволосый и кудрявый, с ярко-голубыми глазами и ослепительной улыбкой. Но судьба его была сложной. Валерий связался с плохой компанией, «стоял на стрёме», когда старшие парни влезли ночью в магазин. Когда они ему предложили тоже что-нибудь взять, выбрал только туфли для своей мамы... Ну, а затем эти так называемые «друзья» попросили его взять всю вину на себя, что Валерий и сделал из ложного благородства. Как «малолетка» получил несколько лет в колонии для несовершеннолетних. А когда через несколько лет на Валерия «указали» по другой краже, где его вины не было, тут уже следователь не стал разбираться и отправил его по «рецидиву» уже на взрослую зону. Все эти испытания, конечно, отняли у Валерия лучшие из годов его молодости, а у его матери стали годами слез, переживаний и тоски по сыну...

Я же, анализируя материалы о жизни и судьбе своих родственников, увидела слишком много похожих ситуаций, связанных с доносами, оговорами и напрасными страданиями по вине других людей...

Но сам дядя Валера обладал легким и неунывающим характером, был оптимистом и даже в какой-то степени – авантюристом, пользовался огромным успехом у женщин, благодаря яркой внешности и широте души. Всех своих жен и подруг, а также четырех племянников дядя Валера любил баловать и удивлять. Мог прокатить по всему городу на такси, не жалея денег или запросто купить дорогие джинсы и видеомаягнитофон, и подарить их просто так без всякого повода. А затем наслаждался, наблюдая наши восторги. Для советского времени это были дорогие подарки. Но Валерий был их тех людей, которым нравилось отдавать. Он получал от этого истинное удовольствие. Работал на

Крайнем Севере, зарабатывал хорошо, но деньги не копил, тратил на любимых женщин и родню, а еще собрал огромную библиотеку. Благодаря своей начитанности и природному уму, был интересным собеседником. Очень любил детей. К сожалению, не смотря на несколько гражданских браков, потомства не оставил.

Но жизнь у моей бабушки могла сложиться и совсем по другому... Судьба давала ей шанс - остаться в деревне Уроп, из которой в 1928-ом году семью Выгузовых «раскулачили» и отправили в ссылку. А дело было так. Во время раскулачивания посватался к ней паренек. Он остался сиротой и жил один в своей избе. Совсем мальчишка, было ему всего тринадцать лет. И Маше столько же. Мать Елизавета Ивановна уговаривала дочку согласиться, ведь какая участь их всех ждет, никто не знает. А так хоть выживет. Но Маша отказалась: «Куда я без вас», - сказала. И поехала с родительской семьей в ссылку – в чужие края, в голод и холод... Недавно я нашла информацию об этой деревне. Она до сих пор существует, и в ней живут более трехсот человек. Находится деревня Уроп в Кемеровской области, в Беловском районе. Входит в состав Старопестеревского сельского поселения.

Род Новосельцевых и деревня Большая Пашня. Историческая справка.

Томский краевед Новосельцев Николай Михайлович в 2015-ом году, исходя из собранных данных, сделал вывод, что родоначальником нашей ветви Новосельцевых был Новосельцев Иван Андреевич, от которого в пятом поколении родился Новосельцев Герасим Иванович (1781 г.р.) Именно от Герасима уже точно документально зафиксировано продолжение нашей ветви Новосельцевых. А вот род самого Николая Михайловича - пошел от Изосима.

Деревня Большая Пашня была основана в 17-ом веке казаком Иваном Новосельцевым, у которого было семь сыновей. Как гласит предание, он выкупил эту землю у остяков, а своих сыновей заставил жениться на местных. Деревня, скорее всего, получила название по количеству распаханной земли (пашни), потому как рядом с Большой Пашней в километре располагалась Малая Пашня. Впоследствии Большая Пашня делилась на две стороны: Зосимовская и Герасимовская, по всей видимости, по имени крестьян-сыновей Ивана Новосельцева – Изосима (1763г.р.) и Герасима (1781 г.р.) В 1908 году в Большой Пашне насчитывалось 18 дворов и 167 жителей, а в Малой Пашне - 8 дворов и 55 жителей. В 1910г. в Большой Пашне было уже 30 дворов, на Малой Пашне – 11.

Деревня Большая Пашня стояла вдоль высокого берега Обской поймы, у ручья с

таким же названием - Пашня. Архивные документы свидетельствуют, что в 1929-ом году в деревне было двенадцать двухэтажных и всего три одноэтажных дома. Двухэтажные дома были удобнее, потому что жили тогда все большими семьями. С большим хозяйством вместе справиться было легче. Повзрослев, сыновья приводили невест в отчий дом, рожали своих детей, семьи разрастались. Жили дружно, вместе трудились и вместе отдыхали. В своих воспоминаниях дальняя родственница Анастасия Николаевна Новосельцева рассказывает: «Дом у моего деда был большой, двухэтажный, с двадцатью четырьмя окнами. Сыновья женились и жили все в этом доме, который был разделен на четыре квартиры».

В метрических книгах вплоть до 1917-го года все жители Большой и Малой Пашни писались, как жители деревни Новосельцевой. В 1864 –ом году жители деревни Новосельцевой подписали доверенность о размежевании земель и мест в округе для дач, рыбной ловли и охоты. В этой доверенности среди Новосельцевых, которые все были неграмотные, собственноручно расписался только наш предок Галактион Герасимович Новосельцев (1812-1903г.г.) – сын Герасима Ивановича (1781г.р.).

Наши предки - жители деревни Большая Пашня, что в 2,5 километрах к югу от деревни Новосельцево и в 0,5 километрах - южнее от Малой Пашни. До начала 20-го века в этих деревнях не было даже кладбища. Ближайшая церковь находилась только в селе Парабель, а в деревне Чигара был только молитвенный дом, где и отпевали умерших из близлежащих маленьких деревень. Но когда в один из урожайных орехом год с дерева упали два приехавших шишкаря, их некому было везти в Чигару, и местные жители похоронили их на краю поля возле ручья, который отделял Малую и Большую Пашни. С тех пор в этом месте появилось «Пашетное кладбище» или кладбище Пашня. До сих пор там хоронят ещё оставшихся бывших жителей Большой и Малой Пашни. У каждого поколения предков рождалось много детей, часто ежегодно. В метрических книгах в каждом календарном году было три раздела записи: рождение ребенка, бракосочетание и умершие. Было много записей о том, что ребенок родился и умер в этом же году. Младенческая смертность в то время была очень высокой. Не редко представители рода Новосельцевых были бездетными или наоборот - имели множество детей и по несколько браков.

Новосельцевы

Мой дед Георгий Афанасьевич Новосельцев родился 6-го мая 1910-го года в деревне Большая Пашня в многодетной семье и был младшим сыном Новосельцева Афанасия Георгиевича и Сухушиной Ефросиньи Павловны. В

юности он был буйного нрава и слыл хулиганом. Известен факт, что в Парабели его с друзьями посадили в каталажку за то, что они угнали и продали коня, но они взломали дверь и убежали. Вырос Георгий неграмотным, т.к. его отец после ареста самого старшего сына, связавшегося с большевиками, отказался обучать младших, считая, что учеба ни к чему хорошему не может привести.

Георгий приехал в Колпашево и жил в семье одного из старших братьев – Николая (1907г.р.). У того судьба была трагичной. Он воевал в 340-ой стрелковой дивизии командиром отделения. Погиб в 1942-ом году. Но не от фашистской пули. Немцы раскидывали с самолетов агитационные листовки. Он поднял одну из них, не читая, хотел сделать самокрутку. Рядом оказались те, кто донесли... Арестовали Николая по обвинению в измене Родине и расстреляли. Было ему 35 лет. Этот факт указан в «Книге Памяти Томской области»: Дата ареста: 4 сентября 1942 г. Обвинение: измена Родине. Осуждение: 4 октября 1942 г. Приговор: расстрел. Дата расстрела: 11 октября 1942 г. Дата реабилитации: февраль 1993 г.

В Колпашеве у Николая Афанасьевича остались жена Екатерина и дочка Ниночка. Двое сыновей умерли в младенчестве. Его дочь – моя двоюродная тетушка Нина Николаевна Панова (урожденная Новосельцева) сейчас живет в Москве. Я захожу к ней в гости, бывая в столице по служебным делам. Когда я расспрашивала тетю Нину о том времени, голос её дрожал. На всю жизнь в ней осталась боль и обида за расстрел её отца и за то, что её считали дочерью «врага народа». Она не могла ходить в детский сад, а в школе - вступать в октябрята и в пионеры, ездить в пионерские лагеря... Хорошо, что сверстники не дразнили, не акцентировали на этом внимание, в отличие от взрослых. Нина с матерью жили с огорода, мать не могла никуда устроиться официально, подрабатывали обе, как могли. Нина закончила Колпашевскую школу, затем институт, работала учителем математики в вечерней школе. Было это уже в конце пятидесятых, когда так называемых «врагов народа», стали реабилитировать. Нина вышла замуж за своего одноклассника Владимира Панова, затем они переехали в Новосибирск, а оттуда – в Москву. Владимир Петрович Панов, полковник, уйдя на пенсию, написал книгу о городе Колпашево, о судьбе своей семьи, о себе и своих братьях. Нина Николаевна и Владимир Петрович воспитали двоих дочерей – Ольгу (1964г.р.) и Екатерину (1965г.р.), которые уже сами имеют детей и внуков.

О других братьях своего деда Гоши мы с мамой узнали из «Книги памяти Томской области» и воспоминаний Константина Афанасьевича Новосельцева (племянника моего деда), ныне живущего в поселке Каргасок. 8 ноября 2019 году ему исполнилось 90 лет.

Константин Афанасьевич - двоюродный брат моей мамы Нэлли Егоровой

(Новосельцевой) и троюродный брат Светланы Скулкиной (Новосельцевой), поддерживает отношения со своими сестрами, присылая рыбные гостинцы с севера. Все потомки рыбаков Новосельцевых очень любят рыбу и понимают в ней толк.

Второй из старших братьев моего деда - Афанасий Афанасьевич (1902 г.р.) - отец Константина Афанасьевича, до начала войны был председателем колхоза «Майские дни», добровольцем ушел на фронт. Воевал он в 594-ом стрелковом полку 207-ой стрелковой дивизии, имел награды. На фронте шесть раз был ранен и лежал в госпитале. С войны пришел инвалидом по ранению третьей степени. Два года работал председателем сельсовета в деревне Ласкино. В 1946-ом году завербовался на сплав в поселок Шпалозавод, где и прожил с женой Таисией Никитичной всю свою жизнь. Здесь же остались жить его дети Василий и Валентина. Умер Афанасий Афанасьевич в октябре 1974-го года, похоронен на Нарымском кладбище.

Третий брат моего дедушки: Даниил Афанасьевич Новосельцев (1904г.р.) до войны работал бригадиром рыболовецкой бригады в колхозе «Верный путь» в деревне Некрасово. Осужден на десять лет и пять лет поражения в правах. В «Книге памяти Томской области» дата ареста: 5 сентября 1942 г. Обвинение: чл. семьи кулака - ст. 15 п. Осуждение: 26 декабря 1942 г. Приговор: 10 лет, 5 лет поражения в правах. Дата реабилитации: январь 1961 г. Источники данных: БД "Жертвы политического террора в СССР"; Книга памяти Томской области.

Деда Данилу помню и я тоже. Как-то подвыпив на гулянке в Колпашево, он рассказал моим родителям, что пострадал от доноса сослуживца за анекдот, отсидел десять лет, а когда освободился, хотел убить доносчика. Кто-то опередил его. Взял этот грех на себя.

Также у Новосельцевых был еще сын Константин (1906 г.р.), трагически погибший в семнадцатилетнем возрасте. Помогая односельчанке вытащить ведро из очень глубокого колодца, задохнулся метаном. После его гибели отец Афанасий Георгиевич закопал свой колодец.

Были и другие дети в этой семье. Афанасий Георгиевич после смерти первой жены Марии Григорьевны (убило молнией), остался вдовцом с тремя детьми - Василием, Степаном и Екатериной. С Ефросиньей Павловной он создал семью в 1901-ом году, вместе они родили Николая, Даниила, Афанасия, Георгия, Марию и Анастасию.

Сухушины. Деревни Чигара и Петровка (по материалам Светланы Скулкиной)

Новосельцевы из деревни Большая Пашня очень часто создавали браки с Сухушиными из деревни Чигары, которая располагалась на расстоянии около пяти километров. Родственники ездили друг к другу на лошадях, общались, знакомились с жителями соседних деревень, женились. А когда часть Сухушиных переехала в Колпашево, а также в Каргасокский район (Петровка, Перфилово, Тымское, Каргасок), то туда мигрировали и некоторые представители Новосельцевых. Эти местности, а также Карга и Новоселово Каргасокского района были удобны для рыбаков, охотников, сборщиков дикоросов, которые по воде могли всю добычу успешно перевозить и продавать. Пашня же и Чигара – хороши для земледелия, скотоводства, охоты и сбора дикоросов. но не для рыбалки. Ловить рыбу жители Пашни ходили или ездили в Невальцево, куда попасть можно было только зимой.

По документам Томского государственного архива, Сухушины пришли в Нарымскую крепость – (острог, основанный в 1613-ом году), в поисках земли и во избежание непомерных податей в своих землях. По неточным данным, поселились не позднее 1634-го года. Были они из Вологодской губернии, Токалинского уезда. В 1788-ом году в острог прибыл боярин, казак, Сухушин Яков Дмитриевич, при нем было 61 человек мужского полу, все они расселились по Нарымскому краю, действительно, основав деревни под своим именем.

Сухушины - те, кто владели сухим лесом. Сухуша - также патроним - жена и дети становились Сухушиными. Первоначально от прозвища "сухой", тощий, так как фамилии на Руси появились в большей части только в 17-ом веке.

Сухушины перед революцией были многие зажиточными, потом их лишили избирательных прав и отобрали имущество. Родовые признаки: светло-русые, большеглазые (голубые, зеленые). Мужчины - воины. Женщины в роду выбирали в основном просветительскую деятельность.

Деревня Чигара основана в 1676-ом году братьями Сухушиными и их женами. Деревня стоит на высоком берегу речки Чигас, от которой и получила свое название. Происхождение названия реки не установлено. Есть интересная теория, предложенная краеведом Николаем Михайловичем Новосельцевым: «Чигас» - слово, употреблявшееся в Костромской губернии, обозначало «огонь». Вода в этой таёжной речке очень насыщена окисью железа и весной, после зимнего "загара", лед приобретает коричневато-красноватый оттенок.

На 1904-ый год в деревне было 63 двора и 294 жителя в них, молитвенный дом, сельское училище, земско-обывательская станция; на 1908-ой: 62 двора и 317 жителей. В 1910-11 годах в Чигаре было 28 дворов, 2 водяных мельницы, 3 мелочных лавки. Около двух десятков фамилий насчитывалось в деревне:

Сухушины, Соснины, Луговские, Костаревы, Скирневские, Новосельцевы, Батурины, Пановы...

В Чигаре в 1893-ем году был построен молитвенный дом в честь Иверской иконы Божией Матери (приписной к Парабели), который осветили в 1898-ом году. Действовал он до 1932 –го года. В конце 19-го - начале 20-го века деревня Чигара относилась к Парабельской волости Томского уезда Томской губернии.

Мой четырежды прадед Сухушин Ксенофонт Яковлевич (1800г.р.), его сын - мой трижды прадед - Петр Ксенофонтьевич Сухушин (1828г.р.). В конце 19-го века в деревне Чигара проживало несколько его потомков. Это Павел Петрович(1852г.р.) – мой прапрадед, а также: Прасковья, Иван, Тимофей, Ульяна, Константин, Вера и Матрена Сухушины.

В начале 20-го века, приблизительно в 1905-ом году после смерти жены Петра Ксенофонтовича – Ефимии Тихоновны, моей трижды прабабушки, их семейство вместе с детьми и внуками перебралось в деревню Петровку Каргасокского района, недалеко от деревни Тымское.

У моих прапрадедов: Сухушиных Павла Петровича (1852г.р.) и Матрены Михайловны (1855г.р.) было много детей. Старшие их дочери: Ефросинья и Татьяна во время отъезда родительской семьи уже были замужем, поэтому остались жить в деревне Большая Пашня, а их родители вместе с младшими детьми: Прокопием, Иваном, Соломанидой и Раисой, уехали в деревню Петровку. Эту деревню можно считать семейной, так как она была основана в 1904 -ом году отцом Павла - Петром Ксенофонтовичем Сухушиным. Петровка исчезла так же, как и деревня Карга, основанная тоже Сухушиными в 1894-ом году.

Сухушина Ефросинья Павловна (1875 г.р.) - моя прабабушка и Сухушина Татьяна Павловна (1879 г.р.) были родными сестрами и замуж вышли за двоюродных братьев. Ефросинья – за Новосельцева Афанасия Георгиевича, моего прадеда, а Татьяна в 1900-ом году - за Новосельцева Логина Ивановича. Получилось, что Новосельцевы и Сухушины образовали две ветви. А затем еще одна их сестра – самая младшая Раиса Павловна Сухушина (1895г.р.) во втором браке стала тоже Новосельцевой. Она вышла замуж за двоюродного брата Логина Ивановича: Новосельцева Гавриила Григорьевича - дедушку Светланы Скулкиной. Таким образом, Светлана, внучка Раисы Павловны оказалась мне родственницей по двум родам: Сухушиных и Новосельцевых. Мы со Светланой (1957г.р.) близки по возрасту, но она внучка, а я, Елена (1963г.р.) – правнучка, так как сестры Ефросинья и Раиса имели разницу между собой в двадцать лет(!).

В 1930-ом году Логина Ивановича обвинили в скупке и продаже природного сырья: рыбы, ореха и эксплуатации наемного труда, лишили избирательных прав. А затем, по словам родственников, даже не довезли до Колпашево - расстреляли в дороге. По слухам, везли на пароходе, он бросился с него в воду, раздались выстрелы... Но это непроверенные данные, поэтому, где покоится прах Логина Ивановича, точно никто не знает. У Логина Ивановича с Татьяной Павловной тоже было много детей: Степан (1901г.р.), Сергей (1902 г.р.), Иван (1904 г.р.), Фекла (1905 г.р.), Анисья 1912 (г.р.), Клавдия (1914 г.р.), Александр (1916 г.р.), Гавриил (1886 г.р.)

Вот еще несколько интересных, исторических фактов о Новосельцевых:

«Дальняя родственница и жительница деревни Малая Пашня Новосельцева Анастасия Николаевна рассказывала, что в 1935-ом году на Пашне было два колхоза «Майские дни» и «Демьян Бедный». Когда их объединили, колхоз возглавил Евгений Григорьевич Новосельцев. Молодой, энергичный, он был настоящим вожаком в деревне. При нем колхоз уверенно пошел в гору».

Из воспоминаний Новосельцева Клавдия Евгеньевича (троюродного дяди Светланы Скулковой):

«Отец мой, Новосельцев Евгений Григорьевич (1903-1942г.) вернулся с действительной военной службы в 1929 году с Дальнего Востока по ранению. Он участвовал в боевых действиях на КВЖД - Дальневосточной китайской железной дороги. Женился, завел сына, но вскоре овдовел, вновь женился на будущей моей матери. Сохранилась его фотография со службы в Манчжурии, он - в полной буденовской форме. Отец привез солдатскую награду «Ворошиловский стрелок». К сожалению, она была утрачена».

Однажды отец (по рассказу моей матери), чтобы колхозники посмотрели фильм в посевную страду, наскреб в колхозной кассе 150 рублей и откупил фильм для деревенского клуба. За что чуть не поплатился...

А дело было так. Раз в месяц в деревню привозили кинопередвижку, где демонстрировались фильмы про «героизм» большевиков и про «вольную и счастливую жизнь колхозной деревни». Колхозники верили, что существуют такие богатые колхозы. Не зря Ленин считал, что из всех искусств, для нас (большевиков) важнейшим является кино. Через кинопропаганду легче всего облапошить крестьянина. Билет стоил два рубля (символическая цена), но ни у кого не было и этих двух рублей.

Разумеется, уполномоченный доложил районному начальству. За «разбазаривание народных средств» отец был отстранен от должности председателя. Но случился казус. Вскоре после этого в районе оказался один из

областных бонз. Узнав об этом случае, он пришел в ярость: - «Что же вы делаете, государство затрачивает огромные средства на создание фильмов о счастливой деревне, а вы препятствуете их смотреть. Пусть смотрят за колхозный счет, деньги эти все равно их же», сказал он. С тех пор все колхозы стали откупать фильмы, на которые ходил и стар и млад».

Когда началась война, Евгений Григорьевич ушел на фронт. Погиб в бою в январе 1942г. в Ленинградской области (Книга Памяти Томской области), оставив двух детей: Прокопия от первой жены Клавдеи и сына Клавдия (1937г.р.) от второй жены Новосельцевой Ефросиньи Никитичны.

Судьба большей части населения деревень Парабельского района, как и всей Сибири, в начале 20-го века была нелегкой. Особенно в годы войны, будь то гражданская или освободительная. Много потерь и горя испытала и самая младшая дочь Павла Петровича - Сухушина Раиса Павловна (1895г.р.) - бабушка Светланы, а мне – двоюродная прабабушка. Она переехала с отцом в 1905-ом году в деревню Петровку. В восемнадцать лет познакомилась со своим ровесником из села Тымское: Серяковым Василием Николаевичем. 30 января 1914-го года они обвенчались в Тымске. Свидетелями при венчании были нарымские мещане. Первых детей: погодков Константина и Николая они похоронили на Тымском кладбище. В 1916-ом родили дочь Марию, а в 1919-ом - сына Валентина.

В селе Тымске, как во всей России, шла гражданская война, страшная и кровавая, когда брат шёл на брата, и было неизвестно, на чьей стороне правда. Муж Раисы Павловны был на стороне белых. В 1920-ом году Томская губернская чрезвычайная комиссия приговорила Василия Серякова к высшей мере наказания, как одного из колчаковских милиционеров. Вместе с милиционерами под расстрел попал и священник, что венчал Василия и Раису в 1914-ом году, названный в советской газете «Знамя революции» №136 от 4 июля 1920 года – «ярым черносотенцем».

Село Тымск основано в 1727-ом году на реке Обь. Первоначально имело названия: Тымские юрты, село Тымское и потом уже Тымск – по реке Тым, откуда пришли первые поселенцы селькупы. По воспоминаниям старожилов, здесь были кочующие племена, по берегам реки сюда съезжались из окрестных деревень на ярмарку, продавали меха, рыбу. Обменивали на чай, сахар, водку, разные украшения у купцов. Рельеф Тымска за долгие годы резко изменился. Протока реки Оби более чем на километр сместилась в сторону села, кругом была тайга, медведи выходили к населению.

В 1906-1907 годах, после поражения первой русской революции, территория, расположенная к северу от Томска, была превращена царским

правительством в место массовой ссылки своих политических противников. На Белый Яр (который расположен в 18-ти километрах от Тымска) были сосланы царские офицеры с семьями. Их жены образовали там начальную школу. По словам коренных жителей в Тымск в те времена было сослано сорок священнослужителей. Позднее их расстреляли. Местные жители тайно посещали место казни по церковным праздникам. Так и появились в Тымске первые переселенцы. Из 183 жителей 19 было «водворенных». Люди в основном занимались скотоводством, рыбалкой, охотой, заготавливали лес. Появилась и ячейка зажиточных: такие, как Заводовский Флегонт Яковлевич, Серяков Александр Лаврентьевич – держали своё хозяйство. Купцы скупали пушнину и отправляли обозом в Томск, а оттуда везли муку, сахар, соль, товары и прочее. Были у них свои лавки и всё это они продавали народу.

Через несколько лет вдова Раиса Павловна Серякова вышла замуж за Новосельцева Гавриила Григорьевича из деревни Большая Пашня, будущего деда Светланы. По воспоминаниям родственников, дед её был довольно сурового нрава. Бывало, что обижал бабушку, и она уходила в темную комнату и плакала. Доставалось от него и пасынку Валентину, который иногда ночевал у двоюродного брата Афанасия Афанасьевича (родного брата моего дедушки Георгия Афанасьевича Новосельцева). В 1924-ом году у Раисы Павловны и Гавриила Григорьевича родился их первый совместный ребенок Иван. Были и ещё дети: Иннокентий (1925 г.р.), Лидия (1926 г.р.), Анатолий (1929 г.р.) и младшая Таисия (1932. г.р.). Также Раиса Павловна стала крестной матерью для своего племянника Георгия – моего дедушки Гоши.

Серякова Мария Васильевна – дочь Раисы Павловны от первого мужа, была старшей, поэтому ей приходилось вместе с отчимом ездить обозами в город. Многие женщины уезжали работать на лесозаготовки. Так Мария смогла выбраться из колхоза в рабочий поселок Шпалозавод, где и прожила до конца жизни. Умерла Мария в 1973-ем году, похоронена на Нарымском кладбище. Старший сын Раисы Павловны - Серяков Валентин Васильевич работал в рыболовецкой артели. В 1939-ом году ушел в армию на Дальний Восток, а оттуда на фронт. Пропал без вести в декабре 1942-го года под Ленинградом. Младшие сыновья также не вернулись с фронта. Новосельцев Иван Гаврилович (1924г.р.) погиб в Польше 10.10.1944 года. Новосельцев Иннокентий Гаврилович (1925г.р) воевал на Украинском фронте. Погиб от пули снайпера, будучи в разведке у деревни Тыновки Черкасской области Украины. Был похоронен в лесу 22.01.1944 года. Раиса Павловна не перенесла гибели трёх сыновей и ее разбил паралич. Она могла передвигаться только с помощью табурета. Умерла в августе 1964-го года и похоронена на кладбище Пашня.

У Раисы Павловны был еще сын от второго брака - Новосельцев Анатолий

Гаврилович, (28.11.1929-11.05. 2003 г.г.), родился он в деревне Большая Пашня. Окончил четыре класса начальной школы. Во время войны был подростком, работал в колхозе «Майские дни» на сельхозработках: пахал пашню, пас коров, а также работал на лесозаготовках. Служил в армии на Дальнем Востоке. Работал гребцом в деревне Невальцево, затем на разных работах в совхозе села Новосельцево. Анатолий Новосельцев с женой Жанной Грошевой родили двоих детей: Владимира Новосельцева (1955г.р) и Светлану Новосельцеву (1957г.р.), которая по мужу стала Скулкиной. Светлана Анатольевна, как и я, собирает материалы о своих предках. Умерли родители Светланы и Владимира друг за другом в один год и похоронены в 2003-ем году на кладбище Пашня Парабельского района.

А вот что Светлана написала о своем дедушке Новосельцеве Гаврииле Григорьевиче:

«Мой дед Гаврила (1892-1974г.г.) жил в деревне Большая Пашня, а последние годы жизни - в Малой Пашне Парабельского р-на. Он занимался домашним хозяйством: выращивал скот, заготавливал дикоросы, ловил рыбу. В хозяйстве имел до пятнадцати голов крупного рогатого скота, пять лошадей, до двух десятков овец и одну свинью ежегодно. Осенью в ноябре месяце они ездили с отцом обозами на базар в Томск продавать орех, мясо, рыбу, а позже возил в Колпашево и продавал всё оптом сам. Был женат на уроженке деревни Чигара - Раисе Павловне Сухушиной (по первому мужу Серяковой). Вместе они воспитывали семерых детей: двоих от первого брака жены (Марию и Валентина Серяковых) и пятерых совместных: Ивана, Иннокентия, Лидию, Анатолия и Таисию. До войны семья деда жила на первом этаже старого двухэтажного дома. На втором этаже жил его брат Евгений Григорьевич с семьей. По возвращению Евгения из армии, дед Гаврила с братом решили построить новый двухквартирный дом. Но пожить в нем не успели. Дед не смог выплатить продналог, представители власти дом разобрали и увезли в Новосельцево. Позже в этом доме был размещен Новосельцевский детский дом. Гаврила Григорьевич вместе с дочерью Лидией выехали на Малую Пашню. Они были последними жителями этой деревни и покинули старый, уже вросший в землю дом в 1964-ом году после смерти бабушки. Умер дед Гаврила 22 апреля 1974-го года в возрасте 82 лет, проживая последний год у дочери Таисии в селе Новосельцево».

В 1917-ом году в деревне Петровке умерла моя прапрабабушка (и прабабушка Светланы) - Матрена Михайловна - жена Павла Петровича Сухушина. А сам Павел Петрович предположительно умер в 1953-ем году, пережив жену на 36 лет. Он прожил, по воспоминаниям его внучки Таисьи Николаевны Брагиной,

долгую жизнь, более ста лет (!). По рассказам другой внучки Серяковой (Сухушиной) Марии, он был человек грамотный и религиозный, читал Библию на старославянском языке.

В Петровке жили и два брата сестер Ефросиньи Павловны и Раисы Павловны: Сухушины Прокопий Павлович (1889г.р.) и Иван Павлович (1892г.р.).

Прокопий Павлович был женат на Пановой Варваре Яковлевне (1894 г.р.). Имели четырех сыновей. Работал рыбаком в колхозе «Стахановец», 03.09.1933 года Прокопий был арестован и приговорен: 31 декабря 1933 г. на 5 лет по обвинению в кулацкой контрреволюционной организации. Реабилитирован за 3 года до смерти - в декабре 1959 г. (источник: «Книга памяти Томской области»). В 1947-ом году Прокопий овдовел, в 1951-ом году переехал в поселок Каргасок. Умер 19.02.1962г.

Его брат Сухушин Иван Павлович (1892 г.р) женился, как и многие из Сухушиных, на девушке из рода Новосельцевых - Анастасии Георгиевне Новосельцевой из деревни Большая Пашня. У них было двое сыновей.

Новосельцевы. История раскулачивания и лишения избирательных прав

Если в начале коллективизации - в 1928-ом году, кулаками считали тех, кто имел большое хозяйство и использовал для его ведения наемную рабочую силу, то в тридцатых годах в кулаки могли уже запросто зачислить семью, имевшую в хозяйстве одну единственную корову(!). Перегибов было много. Некоторым крестьянам удавалось убежать или откупиться. Так, по словам, моей бабушки Маши, её брат Максим подавал ходатайство о восстановлении в правах семьи Выгузовых. Выяснилось, что в списке была совсем другая, известная всем «кулацкая» семья, но там хозяин откупился и, вместо него, вписали Выгузова, имевшего справку середняка. К тому же в каждой деревне местная власть сама решала, кого и за что можно назвать кулаком, да и соседи могли наговорить.

Эта тема - доносов и наговоров всегда была острой для советского государства, но в 20-30-ые годы она стала просто повальной. Строчили доносы многие и по злему умыслу и из трусости и из желания выслужиться перед властью, были и откровенные наговоры.

Как писал в своей книге «Все течет» Василий Гроссман " И губили ради интереса, ради барахла, пары сапог, а погубить легко – напиши на него, и подписи не надо, что на него батрачили или имел трех коров, – и готов кулак. Чтобы их убить, надо было объявить – «кулаки не люди».

А Варлам Шаламов, отмечая «неудержимую склонность русского человека к

доносу, к жалобе», писал в своих рассказах о том страшном времени: «Страсть власти, свободного убийства велика - от больших людей до рядовых оперативников с винтовкой» и «Я узнал, что мир надо делить не на хороших и плохих людей, а на трусов и не трусов. 95% трусов при слабой угрозе способны на всякие подлости, смертельные подлости».

Репрессии касались не только верха, а любого слоя общества — в любой деревне, на любом заводе, в любой семье были или родственники, или знакомые репрессированы.

Уже в начале 1930-го года, органы советской власти взяли курс на срочную и поголовную коллективизацию крестьянских хозяйств. Во многих сибирских селах появились и свои «активисты», которые охотно изымали имущество у зажиточных односельчан. Очевидцы вспоминали то время, как страшное, когда весь мир перевернулся с ног на голову. Если раньше зажиточных крестьян в селах уважали за их умение трудиться и часто избирали старостами, то сейчас массово стали клеймить и осуждать под влиянием анти-кулацких лозунгов. Власть над крестьянами приобрели уполномоченные, члены сельсоветов и разного рода полукриминальные элементы, наделенные неограниченными правами... Арестовать, выслать, расстрелять без суда и следствия могли за что угодно: за попытки сопротивления раскулачиванию, за самоликвидацию своего хозяйства, за бегство с места жительства, за оказание помощи тем, кто сбежал. Насилие захлестнуло и крестьян в деревне Большая Пашня.

Пострадали от раскулачивания и семья моих прадедов: Афанасия Георгиевича и Ефросиньи Павловны Новосельцевых.

Жили они в большом двухэтажном доме, в деревне Большая Пашня (Парабельский район Томской области). В зажиточном хозяйстве были коровы, лошади и овцы, не считая другой мелкой живности. Сеяли ячмень, овес, рожь. Семья была многодетной и работающей, работников не брали, сами справлялись с хозяйством. По словам Константина Афанасьевича Новосельцева, он, хоть и был совсем мал во время коллективизации, но запомнил, как у деда отбирали всё хозяйство, как выгоняли скот и выгребали зерно из амбаров.

Скотина, зерно, домашняя утварь - все это экспроприировалось, как тогда говорилось – на общие нужды в колхозы. К кулакам велели причислять всех, кто хоть однажды использовал наемный труд, кто имел большое хозяйство и механизированные орудия труда. Все это вывозилось со двора, выгребали зерно из амбаров, скотину угоняли. Было страшно – и тем, кого разоряли и тем, кто это видел. Рыдали не только люди, считая, что настал конец света, чувствуя беду, ревели испуганная скотина, выли собаки...

Широкое распространение в период коллективизации получила такая форма репрессий как «лишение избирательных прав». Лишили прав и семью моих прадедов - Новосельцевых Афанасия Георгиевича и Ефросиньи Павловны. Со всеми вытекающими последствиями. Семья практически распалась. Главе семейства Афанасию Георгиевичу Новосельцеву пришлось бежать из деревни, взрослые дети разъехались кто куда. С матерью Ефросиньей Павловной остался один из старших сыновей Николай. Отец посоветовал ему отказаться от родства, чтобы сохранить жизнь и свободу...

Моя мама – Нэлья Георгиевна Егорова (Новосельцева) хорошо помнит мать отца, свою бабушку Ефросинью Павловну Новосельцеву (Сухушину). По словам мамы, бабушка её была небольшого роста с моложавым лицом и небесно-голубыми глазами. Жила она в Колпашево в семье своей старшей дочери Марии Афанасьевны, вышедшей замуж за Семёна Уретия и родившей трех дочерей: Нину (24.02.1936г.р.), Лидию (28.04.1937г.р.) и Галину (19.06.1938г.р.). За несколько лет до смерти, Ефросинья Павловна перенесла инсульт, после которого перестала двигаться правая рука и начались проблемы с речью. Она говорила только несколько слов. Но, моя мама запомнила, что бабушка приходила и помогала им копать картошку, при этом работала одной левой рукой так быстро и ловко, что обгоняла всех.

Маме моей 15 ноября 2019-го года исполнилось восемьдесят лет. Она дружна со своими двоюродными сестрами. Нина Семеновна Уретий (по мужу Молодцова) живет в Томске, другие сестры проживают в Колпашево. Лидия Семеновна Уретий свою семью не создала и проживает сейчас в семье сестры Галины Уретий (по мужу Ставской) Сын Нины Семеновны – Михаил Николаевич Молодцов(19.02.1959г.р.) уже сам дедушка, у них с женой Надеждой двое взрослых детей: сын Коля и дочь Марина, в семье Коли растет маленькая дочка.

Муж моей прабабушки Ефросиньи Павловны и мой прадед Новосельцев Афанасий Георгиевич в последние годы жизни проживал в семье своего сына от первого брака - Степана Афанасьевича и умер на руках у невестки Елены Доментьевны и ее брата Семена Доментьевича Новосельцева. Жили они сначала в деревне Прорыто под селом Вертикосом Каргасокского района, а после войны всей семьей переехали в Колпашево.

Грустно и горько мне это было узнать. Из-за раскулачивания семья моего прадеда распалась и остаток жизни муж и жена прожили в разлуке...

А вот эти подробности про наших общих прадедов Новосельцевых, Светлана узнала через архивы и рассказы своего дяди Константина Афанасьевича Новосельцева:

Светлана Скулкина: «Во время коллективизации Афанасий Георгиевич успел скрыться, он уехал в Александровский район. В сентябре 1930-го года, старший сын Николай написал «отказную» от отца, чтобы семью оставили. Жена Афанасия Георгиевича Новосельцева Ефросинья Павловна написала заявление «о назначении главой хозяйства сына Николая Афанасьевича вместо мужа Новосельцева Афанасия Георгиевича в виду его отсутствия и отказа от хозяйства». Остальные сыновья уже не жили в семье. Однако, Афанасия Георгиевича лишили избирательных прав и конфисковали имущество семьи. Благо, что не расстреляли. Ночью приехали совработники, вынесли имущество, выгребли зерно, конфисковали половину дома, ток, на котором сушили зерно. В деревне у них была единственная баня «по белому», которую разобрали и увезли в Парабель.»

Все это - сухой язык, просто факты, без всяких подробностей. Точно также рассказывала и моя бабушка Маша о том, как раскулачивали её семью. Потому что подробности: это боль, это эмоции, это страх и ужас от всего пережитого. Когда я записывала за бабушкой её воспоминания в 1985-ом году (рассказ «Это счастье быть вольными») я тогда не понимала, почему бабушка раньше об этом не говорила. И вот только сейчас – на пороге смерти рассказывает о пережитом. Но потом вспомнила, что рассказывала она часто, но мы советские дети могли не понять и даже осудить предков, которых советская власть назвала кулаками. Ведь на уроках литературы и истории нам ставили в пример «подвиг» Павлика Морозова... Поэтому в её ранних рассказах все лишения семьи Выгузовых подавались нам, как испытания всех крестьян того времени, которые переезжали в поисках лучшей доли, убегали от войн и голода... А слово кулак произносилось только в контексте того, что в кулаки могли ошибочно записать обычного середняка. Только сейчас я понимаю, какого было бабушке и дедушке жить с этими воспоминаниями, с этой болью и с невозможностью открыть всю правду, не боясь, что их не поймут и осудят самые близкие люди... И если баба Маша донесла до нас информацию о том времени, то деда Гоша не сказал ни слова ни своим детям, ни внукам... И подробности о его родительской семье, тоже раскулаченной и лишенной прав, мы узнали совсем недавно - из воспоминаний его племянника - долгожителя Константина Афанасьевича Новосельцева.

О том страшном времени очень ярко рассказал в своих произведениях писатель Василий Гроссман. Примечательно, что мы обе со Светланой цитируем его в своих рассказах о нашем роде. Потому, что и ей и мне хотелось узнать подробности о том времени, понять то, что испытали наши общие предки, ведь их воспоминания были скупы на эмоции. Слишком много боли и страданий психика человека уносила в подсознание, старалась забыть, захоронить эти

воспоминания поглубже.

Лишенцы. Историческая справка.

В те времена кулаков делили на три категории. Кулаки первой категории арестовывались, как злостные вредители и контрреволюционеры, их могли расстрелять или отправить в лагеря, а их семьи – выслать. Кулаки второй категории, после конфискации имущества, высылались вместе с семьями. Так и случилось с семьей моей бабушки Маши. Но были те, кому разрешалось остаться и даже устроиться на работу - на заводы и стройки. Вот только статус лишенца не давал надолго задерживаться на работе.

«Лишенцами» тогда называли людей, лишенных избирательных прав. Они, как и спецпереселенцы, должны были быть под постоянным надзором новой власти, в частности - отмечаться в комендатурах. А когда маховик раскулачивания разошелся в полную силу, лишенцев начали массово увольнять с работы. Кто-то бежал и скрывался у родственников в других городах и деревнях, кто-то перебивался случайными заработками. Каждый выживал, как мог. Рушились и распадались семьи, калечились судьбы...

Сейчас даже сложно представить, что статус лишенца был прописан в Основном законе страны - в Конституциях РСФСР 1918-го и 1924-го годов. К лишенцам в период 1918-1936 годов новая власть причисляла священнослужителей, монахов, торговцев; крестьян-кулаков; людей из числа так называемых «бывших»: служащих и агентов царской полиции, а также уличённых (но чаще всего – только заподозренных) в контрреволюционной деятельности против советской власти, осужденных и репрессированных по политическим мотивам и других. Полный перечень таких лиц был перечислен в отдельных пунктах конституций того времени.

Лишение избирательных прав кормильца автоматически причисляло к лишенцам всех членов семьи. Например, сын мог быть уволен с работы, снят с должности, отчислен из учебного учреждения, как только его отец получал статус лишенца. В личных делах лишенных избирательных прав, фигурировало много справок с записями: «уволен как лишенец». В результате лишения избирательных прав, человек и его семья фактически исключались из общества, становились изгоями, не имели даже минимальных прав и благ. Лишенец не только не мог избирать и быть избранным в руководящие органы, он не имел возможности занять любую должность, учиться в средних и высших учебных заведениях. Лишенцы не могли быть поручителями, опекунами, заседателями или защитниками в народном суде, не имели права получать пенсию и пособие

по безработице, вступать в профсоюзы. Лишенцам не выдавались продуктовые карточки, либо же выдавались по самой низшей категории. При этом налоги и другие платежи для лишенцев устанавливались в разы выше, чем для остальных граждан.

Такая дискриминация была выгодна новой власти. Все это делалось умышленно, чтобы разъединять людей, искусственно делить на «своих» и «чужих», иметь рычаги давления на любого, заподозренного в инакомыслии. В 20-е годы развернулась ещё более оголтелая, общественная кампания по выселению лишенцев не только из деревень, но и изгнанию их из крупных городов, из коммунальных квартир, исключению их детей из школ...

Статус лишенца, также как и спецпереселенца, ставил клеймо на человека и всю его семью. Хоть и не враг народа, но подозрительный... Людей, кроме прав, лишали главного морального права - доверия общества. Лишь в 1937-ом году в новой конституции РСФСР, не смотря на усиленные репрессии, было задекларировано всеобщее избирательное право. Но еще совсем недавно в советских анкетах, заполняемых при приёме на работу (вплоть до 1961-го года), сохранился пункт: «Лишались ли права голоса, когда и за что?».

Вот такой небольшой экскурс в историю, необходимый для понимания того, как жили и выживали тогда люди, лишённые тех или иных прав, а то и всех сразу.

Не знаю, снят ли был статус лишенца с моего дедушки, были ли какие либо ходатайства со стороны его родственников... В тогдашней инструкции о выборах была возможность восстановления в избирательных правах человека, который «доказал свою лояльность по отношению к советской власти, занимаясь производительным и общественно-полезным трудом». Лишенцев также не брали на фронт или брали ограниченно, отправляли в тыловые части и штрафные батальоны.

Мой дедушка Георгий Афанасьевич Новосельцев в первый год войны добывал рыбу для фронта, его призвали в 1943-ом. Был контужен, но выжил. Награжден орденом Отечественной войны второй степени и многими медалями. Говорил, что спасла его молитва – «Живым в помощи Вышняго...», знаменитый Псалом девяностый, текст которого на небольшом листке его мать зашила сыну в белье. Мать была неграмотной и текст написал по её просьбе кто-то другой. Но о войне дедушка нам не рассказывал. А о статусе «лишенца» я узнала только от мамы.

Злой рок Нарымского округа. Колпашевский Яр. 1930-1940-ые

Моя бабушка - Мария Максимовна Выгузова сделала свой выбор, оставшись с родителями и отправившись с ними в ссылку. А когда они, после многолетних мытарств из одного спецпереселения в другое, наконец-то осели в Колпашево, и были восстановлены в правах - разделила свою судьбу с таким же лишенцем – моим будущим дедом Георгием Афанасьевичем Новосельцевым.

- Почему именно Колпашево, ведь вы же ехали в Томск, - спрашивала я бабушку.

- Судьба видно такая, отвечала она.

А я думала о том, в какое страшное время они жили. И в каком страшном месте решили остаться...

С 1932-го по 1944-ый год в Колпашево был административный центр печально известного Нарымского округа. Как будто злой рок преследовал эту местность, которая еще в начале 20-го века стала крупнейшей колонией политической ссылки. В царское время сюда выдворяли разного рода оппозицию под надзор полиции. Уже тогда в песнях пели про суровый Нарымский край, окруженный болотами, про летний гнус и зимнюю лютую стужу.

Традиции политической ссылки, но в более изощренной форме, продолжила и новая власть. В 20-30-е годы в Колпашево стали ссылать «врагов советской власти». Врагом мог стать каждый. Это и зажиточные крестьянине, объявленные «кулаками», и «лишенцами», и неблагонадежные «бывшие», и просто – безработные, нищие и проститутки. А также - люди самых разных национальностей, оболганные доносами и подозрениями, попавшие под массовые этнические облавы, зачистки и переселения.

Советские переселенцы придумывали уже свои песни про Нарым. Вот несколько куплетов из длинной песни спецпереселенцев того времени: - Ты скажи, кулак-лишенец, ты за что в Нарым попал? - За работу, дорогой мой, День и ночь я работал... За своё всё нажитое многим сделался врагом, права голоса лишили и назвали кулаком... Всё забрали трудовое и в Нарым нас повезли. А везли – и вспомнить страшно: В Томске с поезда сгрузили, баржи ждали уже нас, началась тут погрузка, в трюмы, палубы – везде... Жутко стало, сердцу больно, плач детей, старух рыдания. Тихо тащит пароход. Баржи к берегу подходят, начинают выкликать...»

Эта песня была записана в поселке Копыловка Колпашевского р-на со слов Шашевой Татьяны Кузминичны (1919–2001г.г.), спецпереселенки с Алтая. Записал её историк- краевед Я.А. Яковлев 25 июля 1996-го года.

Город Колпашево стоит на высоком обрывистом берегу. Ежегодно весной мощная река Обь подмывает до двух десятков метров глинистого берега. Известный русский поэт Николай Клюев, отбывавший здесь ссылку в 1934-ом году, писал: «Поселок Колпашево - это бугор глины, усеянный почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными».

Многие знают, что во время сильного половодья, случившегося в Колпашево в ночь на 1 мая 1979-го года, река Обь вскрыла места массовых захоронений. Там, по сведениям Томского областного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» покоились останки более четырех тысяч расстрелянных и погибших от репрессий людей (!). Но тогдашнее советское руководство испугалось огласки и возможных народных волнений и велело затопить останки в реке.

В 1930-1940-х годах в этом месте находилась тюрьма НКВД по Нарымскому округу. Позже это место стали называть Колпашевским Яром. Это еще одна трагическая страница истории нашей страны, долго замалчиваемая властями...

В 1979-ом году мы приехали к бабушке и дедушке в Колпашево на летние каникулы. Мне было шестнадцать лет, я закончила тогда первый курс фармацевтического училища. Гости у бабушки, мы слышали, как она шепотом рассказывала о том, что случилось в канун первой. Обь размывала берега ежегодно во время весеннего разлива. Но в тот год после прошедшего ледохода, река обрушила целый пласт глины, вскрыв огромное количество трупов. Люди были на первомайской демонстрации. Узнав о случившемся, сбегались к реке, кто-то из любопытства, а кто-то, пытаясь разыскать своих родственников...

Только в девяностые годы прошлого столетия мы узнали правду о том, что это были тела репрессированных и расстрелянных органами НКВД людей. А тогда по всему городу ходило множество слухов, которые, скорее всего, распространяла сама власть. Якобы, река вскрыла места захоронения дезертиров и прочих уголовников.... Но кто бы ни были эти люди, их нужно было похоронить по-человечески. Вместо этого власть приказала их уничтожить. Колпашевский Яр был оцеплен дружинниками и милицией, стремящихся, как можно скорее скрыть следы страшных преступлений...

Очевидцы тех событий рассказывали, что к обрыву были подогнаны теплоходы, двигатели работали на полную мощность, вода бурлила, окончательно вымывая из оранжевого глинистого слоя трупы расстрелянных и замученных в застенках НКВД людей. Река несла тела, их вылавливали баграми... В

помощь спецорганам мобилизовали парней - комсомольцев. Они вылавливали останки людей, привязывали к ним камни и топили в реке... Поговаривали, что один из таких привлеченных, сошел с ума, психика молодого парня не выдержала... Не смотря на зачистку, тела плыли по реке еще много дней. Местные жители находили их даже несколько месяцев спустя...

Еще один экскурс в историю - наглядное свидетельство того, что все эти деяния: репрессии и раскулачивания – суть одного явления: массового террора и геноцида нашего народа. От которого пострадали обе семьи моих бабушки и дедушки. И память об этих уроках истории мы должны всячески сохранять, дабы не получить трагических повторений.

Возвращаюсь к Колпашево и к своим детским воспоминаниям о бабушке и дедушке:

Бабушка Маша и дедушка Гоша. Колпашево. Почти благополучные 1950-1970-е годы

Так совпало, что у моей бабушки Маши и муж, и брат носили одно имя - Георгий. Вот только мужа она называла полным именем, а младшего брата Гошей. Они были очень привязаны друг к другу, пройдя через многие испытания в ссылке. Брат Гоша выделялся в их семье тем, что очень хорошо пел, а так называемый женский труд: сварить, постряпать, сделать запасы на зиму - у него получался гораздо лучше многих опытных хозяек. А еще он любил лес. Мама моя в детстве часто ходила с ним в лес по грибы и ягоды. Георгий Максимович Выгузов ходил по лесу и пел. Он знал множество песен. Мама подпевала. Так и пели в два голоса.

«В лесу песня приобретала удивительное звучание, голоса становились звонче, как будто отражаясь от деревьев, взлетали ввысь – к синему небу, и так это было хорошо», - вспоминала моя мама.

Помню и я певческие посиделки за большим круглым столом во дворе колпашевского дома. Пели: «Ой, стоит калина в поле у ручья», «Ой, мороз-мороз», «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», «Тальяночка» и многие другие народные и советские песни. Голоса у всех чистые, звонкие. Самый красивый тенор был у моего двоюродного деда Гоши. Как запоем, дрожь по телу. Затем в него вливались остальные голоса, как будто в дом въезжал в полном составе русский народный хор. Георгия Максимовича, когда он переехал жить в Краснодарский край, позвали в знаменитый Кубанский хор, но он отказался. А вскоре вернулся в Сибирь – к дочери Нине в Томск, нянчить только что родившуюся внучку Юлю.

Праздники в то время отмечали широко и весело. Майские, ноябрьские... По словам бабушки, собирались по несколько семей, гуляли по два, а то и три дня, пели, плясали, каждый раз в новой избе. Крепкое не пили, только бражку, примерно в десять-двенадцать градусов. Хозяйка должна была показать перед гостями все свое мастерство. Баба Маша делала в такие дни два больших пирога: рыбный и сладкий с начинкой из клюквы, а также - необычные для крестьянской семьи блюда, например бифштекс, картошку фри, бефстроганов и другие. В девичестве она три зимы проработала няней в профессорской семье, где и научилась их готовить. Но это только по праздникам. Не принято было у крестьян в будние дни разносолы готовить, да и некогда было: наварят щи, уху или кашу и стоит чугунок весь день на печи, а что остается - то на ночь в сени.

По воспоминаниям моей мамы, бабушка Маша удивляла всех своей заливной рыбой в огромных овальных блюдах. Это было произведение искусства. В прозрачном желе «плавали» стерлядь или осетр в окружении «водорослей» из зеленого лука, а на дне лежали «камушки» из кусочков моркови. А еще она изумительно готовила фаршированную щуку. Для гостей доставали старинный фарфоровый сервиз. Бабушка его хранила в подполе, чтобы не разбить ненароком. Но однажды разбила. Плакала навзрыд. Так жалко ей его была. А дедушка утешал: «Не плачь, Маруся, посуда - дело наживное».

Бабушка не только хорошо готовила, но и была отменной портнихой - обшивала всю семью, шила и соседкам, если просили. Очень хорошо помню, как бабушка садилась за шитье. Для неё это было священнодействие. На свою первую швейную машину деньги они с мужем копили несколько лет. А до этого она все шила руками. Каждый шов с изнанки обрабатывала вручную. Поэтому к машинке бабушка относилась чутко и бережно, смазывала регулярно все механизмы и берегла.

На одной из старых фотографий запечатлена вся семья Новосельцевых. Почти вся одежда на них пошита бабой Машей, даже строгий костюмчик в виде френча с воротником-стойкой, в котором её сын Валерий был похож на гимназиста. Бабушка шила такие вещи, что их не могли отличить от фабричных. «Балуете вы свою дочь, Мария Максимовна», - как-то сказала ей учительница, - не рано ли девочке носить лакированные туфельки? На выпускном вечере моя мама была в ситцевом платье, а туфли блестели, как лакированные от яичного белка, которым их смазала баба Маша...

Моя мама рассказывала, что в детстве у неё было много летних платьев. Шила бабушка быстро, но необычно, без выкроек. Кроила на глаз, затем во время примерки - подгоняла по фигуре. В молодые годы баба Маша часто шила по

ночам. Все дела переделаны, никто не мешает. Ночью она спала мало. Но днем могла прикорнуть на полчаса, чтобы отдохнула спина. Старалась не измять кровать. Кровати тогда были украшением дома. Все хозяйки украшали их как могли. У бабушки на двух кроватях были взбитые перины, много подушек, прикрытых сверху кружевной накидкой. Из-под покрывала обязательно выглядывал кружевной подзор. На кроватях никогда не сидели, только на стульях и табуретках. Деревенские кошки также были приучены спать только на своих местах.

А еще бабушка любила ходить по магазинам, где продавались ткани. Но это уже было в 60-ые-70-ые годы. Тогда уже появился выбор. Готовых изделий в магазинах было еще мало, проще было купить ткань. Швейные машинки тогда были почти в каждом доме. Шили даже пальто и шубы, и это было дешевле, чем покупное, которое к тому же было трудно «достать». Женщины заказывали одежду в ателье, или шили сами, передавали выкройки друг другу, стараясь сшить обнови к праздникам. А баба Маша могла по часу ходить в магазине, трогать ткани, представлять, что она могла бы из них сшить. Даже с закрытыми глазами, на ощупь, бабушка могла определить качество ткани. У неё были не только золотые руки, но и отличный вкус. Даже в свои преклонные годы, она удивляла своих дочек и внучек тем, что могла легко сшить им что-то, что оказывалось и модным и современным. Я помню, как летом 1979-го года, в очередной наш приезд в Колпашево, баба Маша сшила мне - студентке фармучилища белый халат. Из поплина - тончайшего хлопка. Модный был халатик, в талию, он отлично сидел по фигуре в отличие от безразмерных покупных.

Даже самые маленькие лоскутки бабушка не выбрасывала, а гладила утюгом и завязывала в отдельный узелок. Справа от сеней, в комнатке - темнущке, в старинном сундуке хранились у нее разные ткани, отрезы и лоскуты. Я любила в детстве перебирать их. Бабушка из лоскутов шила одеяла и вязала половики. Из белого ситца готовила «приданое» для меня. Сшила несколько спальных комплектов и купила ковер - на талон от сдачи мяса государству. Просто так тогда ковер купить было невозможно. Ковер она долго хранила, а затем подарила его мне на свадьбу в 1985-ом году. Через год бабушки не стало... Она ушла в мир иной 1-го декабря 1986-го года. Накануне ей приснился сон, что у меня родится девочка. Через три месяца в феврале на свет появилась её правнучка, которую мы называли Машей. Дедушка Георгий Афанасьевич жил в семье моих родителей, пережив свою жену на десять лет.

Мы - дети и внуки приезжали к бабушке и дедушке в Колпашево только летом. Вернее приплывали. Помню, как мы всей семьей плыли на двухпалубном пароходе. В шестидесятые из Томска до Колпашево пароход добирался целый

день. А обратно – полтора, так как шел против течения. В семидесятых годах появился новый вид водного транспорта - «ракеты и «метеоры» на подводных крыльях. На них доплывали от Томска до Колпашево за несколько часов.

А зимой баба Маша иногда прилетала к нам на самолете – то к одной дочери в Томск, то к другой в Мегион, чтобы повидать внуков. Их у неё было четверо: Я – Елена и мой брат Дмитрий – от нашей мамы Нелли Георгиевны Егоровой (Новосельцевой) и еще двое – Слава и Юля – от Валентины Георгиевны Евлампьевой (Новосельцевой). Дедушка один оставался на хозяйстве, доить коров он умел с шести лет.

Тогда в Колпашево был отличный аэродром, из малой авиации летали и Ан-2 и Як-40. Не то, что сейчас. На дворе 21-й век, но Колпашевский аэродром зарастает травой, а жители городка по весне и осени становятся оторваны от большой земли. В 2008-ом году в районе Колпашево должно было начаться строительство моста через Обь. Но, увы, стройка века заморожена. По словам власти: «вмешался кризис».

Сидеть без дела, даже в гостях, бабушка не могла, варила, шила, вязала, штопала колготки и носки внукам. За неделю в гостях кучу дел переделывала. Вернувшись домой, она писала в письме: «Доченька, я там вам денежку оставила в швейной машинке. Купи что-нибудь детям». Писала малопонятно, с ошибками и без знаков препинания, т.к. училась всего один год в школе, больше не успела, семью отправили в ссылку – на долгие годы голода и скитаний...

Летом бабушка Маша ждала всех своих детей и внуков в гости. Вкусное старалась приготовить. До сих пор помню бабушкину уху, да пироги из стерляди. Дедушка Гоша уже сам редко рыбачил. Его обласок, так называли в Сибири лодку-долбленку, чаще всего грелся на солнышке, перевернутый вверх дном. Близко к воде стоял их дом, прямо над речкой Матьянга - на обрыве. Многие рыбаки уже на моторках ходили. Мотор дорогой, его снимали с лодки и приносили деду на хранение. А взамен рыбу давали. Вот и кормила нас бабушка деликатесами, даже икра была. Хоть и не так много, как в старые времена.

Мама моя рассказывала, что ела в детстве икру черную ложкой и морщилась при этом, говоря, что без хлеба жирно и невкусно. Хлеба не доставало. И все же, она считала свою семью зажиточной. Потому что были и отец и мать, и свое хозяйство. Отец мог добыть рыбу, а зимой уезжал на заработки - валить лес. Была своя корова и мать могла заработать шитьем. Кругом было много других семей, потерявших своих кормильцев на войне. Мама вспоминала, что в Колпашевской школе после войны в конце сороковых, начале пятидесятых детям давали бесплатные обеды: чай и кусочек хлеба. Черный или белый. Один

из мальчишек смотрел такими голодными глазами, что маленькая Нэлля отдавала ему свой хлеб, выпивая только чай. Мальчик был опухшим от недоедания, в его семье было несколько детей и больная мать, растившая их одна.

В памяти моей навсегда остался дом, в котором жили мои бабушка и дедушка на улице Матъянговской, 20. Он был небольшим: сени, кухня и одна комната, но очень аккуратным и красивым. За домом следили. Дедушка Гоша баню топил каждый день, чистота в доме была безукоризненная. Белила бабушка Маша по два раза в год – весной и осенью. А стекла в окнах всегда сияли на солнце. На всех подоконниках цветы – фикусы, бегонии, герань и бальзамин, называемый в просторечии: «Ванькой мокрым» за любовь к обильному поливу. Цветы росли в банках из-под персикового компота. В комнате две железных кровати с взбитыми перинами на панцирных сетках, круглый стол, стулья, комод с трельяжем и шифоньер. Большая русская печь располагалась между комнатой и кухней, около которой обычно грелись коты. Помню их необычные имена: Писарь и Дымка. На кухне старый стол-тумба, покрытый клеенкой, рядом табуретки. Позднее появилась еще и газовая плита. Перед кухней – сени, справа кладовая комната. А во дворе – все, как полагается в хозяйстве. Пристройка - сарай под одной крышей со стайкой, лестница на сеновал с душистым сеном и, высушенными на протянутой леске у потолка, чебаками, две стайки для скотины и стол справа от входа, на котором бабушка разливала и процеживала парное молоко в стеклянные банки, прикрытые марлей. Эта пристройка имела и второй выход с другой стороны, где был сделан огороженный проход для скотины. Через этот проход летним утром дедушка выводил на пастбище коров: черно - белую Ночку, рыжую Жанку и двух телят: Жука и Рыжика. Вечером все коровье семейство возвращалось домой и мычало в несколько голосов, зазывая хозяйку на дойку. Перед домом - огород, сбоку от него постройки: дровяник, еще одна стайка, затем просторная баня, с большим предбанником. А перед предбанником узкий коридорчик, заканчивающийся за наружной дверцей «капитанским мостиком». На этом мостике я любила сидеть в детстве и читать, а также смотреть на реку, прикрывшись от речного ветра бабушкиной шалью. Справа от бани был огород, в конце которого забор, огораживающий усадьбу от улицы. Таким запомнилось мне жилье бабушки и дедушки в семидесятих годах.

В отличие от бабушки, дедушка Гоша с нами почти не общался. Он был очень молчаливым. Я запомнила, что он был постоянно в работе. Что-то мастерил во дворе, убирал у скотины, ходил на покосы и на рыбалку, солил и вялил рыбу, развешивая её на чердаке. И постоянно что-то мурлыкал себе под нос. После обеда баба Маша стелила ему раскладушку, чтобы он мог часок отдохнуть от работы по хозяйству. Мы убегали на улицу, чтобы не мешать ему. И оттуда

слышали его раскатистый храп... По словам бабушки, дедушка был в молодости красавцем с черными кудрями и ярко-голубыми глазами. Но когда появились внуки, от кудрей уже ничего не осталось, дедушку мы запомнили уже лысым. А еще он, практически до своего ухода в мир иной, выглядел очень молодожаво: на румяном лице почти не было морщин и глаза оставались ярко голубыми, как в молодости. Такой же молодожавой до конца жизни оставалась и его мать – Ефросинья Павловна Новосельцева (Сухушина). Дедушка называл нас – внуков очень смешно: «мнуки». Когда поправляли его, он улыбался. А в следующий раз – опять называл всех мнуками и мнучками.

В начале восьмидесятых, дедушке уже трудно было самому косить траву, сено и комбикорм покупали, но хотя это и было накладно, с коровой не расставались, не мог он без парного молока. Бабушка молоко не любила, предпочитая простоквашу или чай из трав. Корову держали до самого последнего года, когда их дом на улице Матьянговской пошел под снос из-за начавшейся там стройки. В 1985-ом году бабушку и дедушку мама забрала к нам в Томск.

Тяжело человеку переезжать на старости лет в другой город, даже под крыло взрослых детей. Тяжело терять родной дом и все нажитое и понимать, что с собой всё это не увезёшь... Бабушка и дедушка покидали друзей и соседей, город в котором они прожили несколько десятков лет. Из-за переживаний у бабушки проснулась затаившаяся до времени болезнь...

За этот, последний в жизни бабы Маши год, я часто приходила к ней, и мы вели долгие беседы. Я уже была замужем и жила отдельно от родителей, но мне хотелось больше побыть с бабушкой, узнать историю нашего рода.

Помню, как я спросила бабушку, почему речку в Колпашево так называли - Матьянга, а потом и улицу. Она ответила, что по преданию, там утонули Мать вместе с сыном Янгой. Помню, что это меня тогда сильно потрясло. Я не могла заснуть и все представляла, как в реке тонет малыш, а мать не может его спасти, и уходит вместе с ним под воду. В последующие годы я слышала и другие легенды о Матьянге. Но, скорее всего, ни одна из них не соответствует действительности. Также, как и томская легенда о несчастной любви Томы и Ушая, благодаря которым произошли реки Томь и Ушайка. Ученые и краеведы считают, что большинство рек в Сибири свои названия получили от коренных народов. А русские люди, заселившись в новые места, придумывали уже свои версии и легенды, исходя из имеющихся названий.

Нет сейчас ни бабушки Маши (03.06.1915-01.12.1986г.г.), ни дедушки Гоши (06.05.1910-30.04.1995г.г.), ни их милого домика на окраине поселка Колпашево, а сама речка Матъянга так обмелела, что уже не похожа на реку. А ведь когда-то, в семидесятых годах стояли там катера, баржи, лодки... Вечером при свете луны и тусклого света фонарей от катеров падали причудливые тени, а по воде бежала рябь от легкого ветерка. Играла музыка, которую включал кто-нибудь из матросов... А мы с братом Димой стояли на краю бабушкиного огорода, смотрели вниз с крутого обрыва – на эту речку и на эти катера, и слушали музыку, и тихий плеск воды, и мерное дыхание коровы, раздающееся из стайки. Корова жевала свою жвачку и иногда шумно била себя хвостом, отмахиваясь от комаров. Комары и оводы – это был бич каждого лета в Колпашево. Около воды их было очень много. Бабушка на ночь над кроватями натягивала полог из марли, спасая нас в детстве от укусов.

Бабушки Маши не стало в декабре 1986-го года, дедушка пережил её почти на десять лет, уйдя в мир иной в 1995-ом. В последние годы у него уже были проблемы с памятью, он мало разговаривал, находясь большую часть времени в своем внутреннем мире...

Мостик из прошлого. Память и связь времен.

Возвращаюсь к семье Выгузовых и её потомкам.

Самая младшая и последняя из «раскулаченной» семьи Выгузовых – Люба (Любовь Максимовна Выгузова-Ковпак-Высочинская), с которой я начала этот рассказ, пережила всех своих сестер и братьев, похоронила двух мужей, двоих уже взрослых детей и любимого внука, которого убили в молодом возрасте. Много потерь ей пришлось перенести, сначала в ссылке с родителями, а затем и в мирное время... Но выдержала. Жила и всячески помогала внукам и правнукам.

А еще она вместе со своим вторым мужем Иваном Яковлевичем Высочинским съездила в поселок Керчево (Пермский край), откуда когда-то семья Выгузовых выехала в Сибирь за лучшей долей, нашла родственников и возобновила утерянные семейные связи. Люба, последняя из четырех детей, восстановила Род, почувствовав, что любому человеку нужно знать свои корни. Она была очень гостеприимна, и новые родственники часто гостили у неё в Тюмени, а внучатый племянник Руслан жил у неё несколько лет, учась в институте.

Я познакомилась с Русланом Осинцевым недавно, в июне 2019-го года. Он сразу же пришелся ко двору. Как будто бы всегда и был с нами. Много и интересно рассказывал Руслан о своей жизни и жизни наших общих родственников. Оказалось, что парень, не смотря на свою молодость, также с

большим интересом собирает материалы о своих предках.

Черты его характера напомнили мне нашего общего прапрадеда - Выгузова Максима Елизаровича. Руслан удивлял своей не по годам хозяйственностью и мастеровитостью. В двенадцать лет он завел себе козу, назвав её красивым именем Агрипина, а попросту - Грушей. Сам построил ей сарайчик, сам кормил, доил и убирал. В восемнадцать - купил в селе Ярково заброшенный дом, несколько лет восстанавливал его собственными руками, выложил полы и печь, украсил окна наличниками. А затем устроил там деревенский музей, где все, как в прежние времена: печка, стол, лавки, самовар. А рядом сад и огород в двадцать соток, где он выращивает картошку и другие овощи, посадил яблоню, привил на неё другую, более урожайную, вырастил малину и смородину, жимолость и крыжовник. Построил теплицы для огурцов и помидор. Рассказывая об этом, Руслан, с гордостью показывал мне фото своего дома и хозяйства.

- Зачем тебе столько?- спросила я его.

- Земля не должна стоять без дела, - ответил серьезно.

Ко всему прочему он завел пчел. Сказал, что случайно. В старый улей забрался чей-то рой пчел. Так бывает часто: разроившийся улей вместе с маткой улетает и ищет себе новое жилье.

- Пришлось изучать по книгам, что с ними делать дальше, сказал Руслан. Изучил. Сейчас у него уже целая пасака.

Встретившись, мы не могли наговориться. Гуляли по старым улочкам исторической части Томска, жадно впитывая в себя запахи лета и любясь деревянным кружевом старинных домов. Прошлись по Каменному мосту, побывали на Обрубке, на улице Бакунина, на месте основания города Томска - Воскресенской горе, прошлись по Татарской слободе, Красноармейской, Кузнецова, Белинского....

Шла середина июня, сияло солнце, на деревьях блестела умытая недавним дождем изумрудная зелень. Пахло проснувшейся землей, костром, в котором жгли прошлогодние листья, опилками и еще чем-то таким неуловимо прекрасным и знакомым с детства. На старинных улочках стояли только деревянные дома. Здесь царил особый деревенский дух. Около домов лежали бревна, стояли поленицы дров, в песочных кучах возились дети, играя в куличики. На лавочках оживленно разговаривали старушки.

Я рассказывала об истории Томска, а Руслан, рассматривал украшенные резьбой окна, фасады домов и ворота, фотографировал их, обращая внимание на различные элементы декора. И удивлял своими знаниями. Разбираясь в домах, в старине, он с особенным вниманием трогал стены, называл примерные года постройки, оценивал изношенность, хвалил те дома, которые были сделаны из

огромных сосен, говоря, что они - на века. Рассказал, что мох со временем превращается в труху и крепче те дома, между бревнами которых проложена веревка или льняной жгут. Обратил внимание, что вензеля и узоры на наличниках у нас в Томске отличаются от Тюмени, там нет таких завитушек. На что я ответила, что и в Томске - на каждом доме свои завитушки, повторов старые мастера себе не позволяли.

Посетили мы и томские музеи – краеведческий и художественный на Ленина, музей истории и деревянной архитектуры на Кирова, музей славянской мифологии на Загорной, а затем прошлись далее – по почти полностью деревянной улице Шишкова. В музеях Руслан с интересом рассматривал старинные самовары и другую крестьянскую утварь, рассказывая, какие из этих предметов у него уже есть в коллекции.

Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» был особым случаем. Его посещение заставило нас еще раз вспомнить об общих прадедах и тысячах других людей, пострадавших в годы массовой коллективизации и советского террора. Руслан сказал, что Томск – уникальный город, потому что здесь есть музей, который сам, по сути, является памятником истории и который бережет любую память, даже позорные страницы прошлого... Выходя из дверей музея, мы молча постояли у Камня скорби...

В последний день перед отъездом, Руслан, приехал к нам на дачу в Богашево и, вместе с моим братом Дмитрием, отремонтировал крышу старого дома. Из подручных материалов. Мы уже хотели сносить этот дом, построенный более ста лет назад, но Руслан, проверив несущие стены и балки, сказал, что он переживет многие новые. С крышей получилось случайно. Хотели просто получить совет, но Руслан взялся за дело серьезно, отыскал несколько листов железа в огороде, две плахи, несколько кусков шифера и к вечеру крыша старого дома уже сияла разноцветными заплатками. «Пусть постоит ещё ваш старый дом, ваше родовое гнездо, как реликвия, как музей», - сказал Руслан. Я, занималась цветами во дворе, иногда поглядывая вверх на Руслана, который, как муравей, ползал по крыше дряхлого дома, и боялась, что он упадет. Но мальчишка оказался ловким и умелым. Работали они с братом без обеда, чтобы успеть до последнего автобуса...

Знания и опыт двадцативосьмилетнего парня удивляли и вызвали уважение. Как будто любовь к крестьянскому труду, древняя хозяйственная жилка вдруг проснулись в нем генетически. Мне представилось, что вот также, только два века назад, наш общий прапрадед Максим Елизарович Выгузов строил дома и трудился на своей земле, не покладая рук – ради детей и внуков, не зная, какая участь ждет его потомков, отправившихся на долгие скитания по чужим местам.

По возрасту, Руслан годился мне в сыновья, а после всяческих пересчетов, оказался четвероюродным братом. Его прабабушка Маня – была дочерью Максима Елизаровича Выгузова и любимой тетей моей бабушки Маши, о чем она упомянула в своем рассказе «Это счастье – быть вольными». Но я обрела в нем родню не только по крови. Я нашла в нем родственную душу. Руслан, как мостик, связывает меня с тем местом, где когда-то рождались и жили мои предки. Хочется приехать и поклониться этой земле. Хотя Новодеревни уже нет, но жив еще поселок Керчево, что в пяти километрах от неё. И там до сих пор живут потомки нашего общего рода.

Сами жители называют свой посёлок просто Керчево, хотя правильное его название Керчевский. Находился он в Чердынском районе Пермского края – в Керчевском сельском поселении. Расположен на правом берегу реки Кама, в 56-ти километрах от Соликамска и в 250-ти километрах от Перми. Основан в тридцатых годах двадцатого столетия вблизи деревень Верхнее Керчево и Нижнее Керчево, как посёлок для рабочих, которые занимались молевым лесом. Молевым лесом называли бревна, которые свободно сплавлялись по реке Каме и другим, пригодным для лесосплава рекам. Есть сведения, что в 1932-ом году в посёлке проживало 500 человек. Рядом протекала речка Керчевка. В конце девяностых годов молевой сплав леса, как опасный для судоходства промысел, был запрещён, огромный «Лесосплоточный Рейд» закрылся.

Поселок окружают и другие деревни, среди которых есть Нижний Шакшер и Верхний Шакшер. Расположены они на берегу реки Горкуш, примерно в пяти километрах от посёлка. В одной из этих деревень когда-то и окрестили мою прабабушку Елизавету Ивановну Выгузову. К 2010-ому году обе деревни почти полностью слились с посёлком.

Символично, что сейчас, когда я дописываю это рассказ, я узнаю, что в самом начале нынешнего года 1 января 2020-го года Керчевское сельское поселение было упразднено, все населённые пункты вошли в состав вновь образованного муниципального образования - Чердынский городской округ. И все это по закону Пермского края, принятому 25 марта 2019 года. В день моего рождения.

Я приезжала к своей двоюродной бабушке Любе в Тюмень в 2016-ом году. Прочитала историю про ссылку семьи Выгузовых «Это счастье быть вольными», которую записала со слов бабы Маши еще в далеком 1985-ом году. Баба Люба плакала... Она была тогда ребенком, но хорошо помнила голод, как заболела и чуть не умерла. Родилась она 28 сентября 1924-го года в деревне Дунай Ключ. Эту деревню основали переселенцы из Пермского края (1921-1922

г.г.), в число которых входила и семья Выгузовых. Сейчас это поселок в Беловском районе Кемеровской области. Входит в состав Менчерепского сельского поселения, на 2010 –ый год в нем проживало почти триста жителей. В 1925-ом году семья Выгузовых уже жила в соседнем селе Уроп, где отец семейства Максим Максимович начал строить мельницу, в 1928 –ом году его раскулачили: мельницу, скотину, дом, имущество - все отобрали. Семью отправили в ссылку. Все это было описано в рассказе её старшей сестры Марии - моей бабушки. Получается, что в ссылку Люба отправилась, когда ей было всего три-четыре годика...

Несколько дней я гостила у бабы Любы. Мы перебирали фотографии, вспоминали о былом. Я хотела, как можно больше узнать. Но наши разговоры и воспоминания разбередили ей душу, картины из прошлого не давали ей спокойно уснуть. Любому человеку трудно вспоминать былую боль, а пожилым людям – в особенности. Память ведь только всколыхни, и пойдут картинки из прошлого, лишая сна и покоя.... И я переключила бабушкино внимание на более приятные воспоминания...

В прошлом году 8 января 2019-го года бабы Любы не стало. Она ушла в мир иной на 95-ом году жизни. Прожила бы и дольше, по словам врачей, организм был крепкий, не смотря на голодное детство. Всё баба Люба делала по дому самостоятельно, но после падения со стула, когда она вешала шторы, случился перелом костей. Сделали операцию, но потом что-то пошло не так...

Руслан ухаживал в больнице за бабой Любой, приходил к ней утром до работы и вечером. А она до последнего дня верила, что еще вернется в свою квартиру, выкарабкается... Как выкарабкивалась раньше из самых разных испытаний... «Что бы ты хотела?», спросил её Руслан. Так когда-то спрашивал её в детстве старший брат Гоша: «Что бы ты хотела? «Картошечку бы мне», ответила тогда Люба. Одна единственная подмерзлая картошка, которую нашел ей брат в огороде, и спасла тогда её - маленькую девочку, умирающую от кори в сарае. Никто уже не верил, что она выживет. Выжила... А сейчас она хотела только одного – вернуться к себе домой... Дома и стены лечат. Но не случилось. Умерла в больнице. Руслан с Наташей - внучкой бабы Любы, организовали похороны и поминки, созвали соседей и родственников.

Рассказывая об этом, Руслан вдруг улыбнулся и сказал: «А ведь бабушка Люба всю жизнь была модницей. Приготовила «на смертный час» шарфик и туфли, велел не надевать на неё старушечий платок. Так мы и сделали. Туфли не смогли натянуть на ноги. Поставили рядом». И продолжил: «Положили туда же часы и очки, вдруг пригодятся там - в подземном царстве». И всем стало от этой шутки легче.

Не все поймут меня, но я верю, что души наших предков всегда с нами и чем дольше мы храним память о них, тем больше они помогают нам... А, возможно, они уже возвращаются в наш род, в виде пра-пра-правнуков...

Любовь Максимовна, Люба, Любочка, как называли её в семье – последняя из детей Максима и Елизаветы Выгузовых. Красивая, статная, добрая, работающая, большая модница... В восемьдесят лет она еще самостоятельно приезжала на поезде из Тюмени в Томск. Элегантная, в шляпке и в брюках, она говорила моей маме: «Нэллочка, а ты, почему брюки не носишь? Это же так удобно». Руслан показал нам листок, написанный в больнице её рукой: «Относитесь спокойно. Это жизнь – живёте и надо умирать...»

Я восхищаюсь своей бабушкой – Марией Новосельцевой (урожденной Выгузовой), её сестрой Любовью, их братьями Максимом и Георгием, и их родителями - моими прадедами: Максимом Максимовичем и Елизаветой Ивановной Выгузовыми. Знаю и помню, благодаря рассказам бабы Маши и брата Руслана - нашего общего с ним прапрадеда - Максима Елизаровича Выгузова и его жену, мою прапрабабушку Елизавету Ивановну.

Я помню и своего дедушку Новосельцева Георгия Афанасьевича и знаю теперь о его братьях и его родителях - Новосельцеве Афанасии Георгиевиче и Сухушиной Ефросинье Павловне. Историю родительской семьи дедушки и предков по его линии я узнала, благодаря поиску Светланы Скулкиной, которая бережно собирает по крупицам информацию о роде Новосельцевых – Сухушиных и, которая совсем неожиданно оказалась родственницей сразу с двух сторон.

Все мои предки - люди сильные и независимые, многое умеющие и делающие, сумевшие выжить в круговерти трагических испытаний времени, не смотря на многочисленные лишения. И как же я хочу, чтобы никогда в нашем роду больше не было таких тяжких испытаний, столько незаслуженной боли, голода, холода, гонений и унижений... Чтобы в нашей стране больше никогда не повторялся геноцид собственного народа.

Потомки Выгузовых. Родовая справка:

У Марии Максимовны Новосельцевой (Выгузовой) - моей бабушки Маши было пятеро детей, двое – Юра и Галя умерли в детстве, выросли Нэля (моя мама), Валера и Валя.

Елена Сидоренко, 1 марта 2020 г.